

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.109-119

Т. В. Дерюгина
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Правовая природа ограничения права на судебную защиту обладателя цифровой валюты

Резюме. Введение в законодательство положения о возможности лишения обладателя цифровой валюты права на судебную защиту породило множество проблем теоретического и практического характера. Определение законодателем сущности этого явления как ограничения права не соответствует правовой природе ограничений. Анализ доктринальных подходов к пониманию ограничения субъективного гражданского права, позволивший выделить признаки ограничений, показал, что цель контроля государства за уплатой налогов не может рассматриваться как основание установления ограничения. Сравнивая анализируемую санкцию с отказом в защите права, автор указывает на их различие. Сходное умозаключение делается и при сравнении с натуральными обязательствами. Подчеркивается, что введенный запрет нарушает баланс интересов субъектов гражданского права, признавая за ними при равных условиях разные правовые возможности на судебную защиту субъективного права. Эта конструкция противоречит принципам гражданского права. Анализируемая норма регулирует входящие в предмет гражданского права отношения, возникающие между субъектами для удовлетворения их частных интересов. Вследствие этого встраивание в их частноправовые отношения публичного интереса выглядит нелогичным. Поскольку такая дефиниция лишает субъекта гражданских правоотношений права на судебную защиту, допускает дисбаланс публичного и частного интересов, а также частных интересов обладателей цифровой валюты, принадлежащих к разным группам субъектов, наделяя их разными правовыми возможностями, делается вывод о необходимости исключения данного правила из законодательства.

Ключевые слова: право на защиту; отказ в защите права; ограничение права; цифровая валюта; судебная защита права; натуральное обязательство; публичный интерес; частный интерес; баланс интересов; способы защиты

Для цитирования: Дерюгина Т. В. Правовая природа ограничения права на судебную защиту обладателя цифровой валюты. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 109–119. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.109-119

The Legal Nature of Restricting the Right to Judicial Protection for Digital Currency Holders

Tatyana V. Deryugina
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Abstract. The introduction into legislation of a provision allowing for the deprivation of a digital currency holder's right to judicial protection has given rise to numerous theoretical and practical issues. The legislator's definition of this phenomenon as a restriction of law does not align with the legal nature of the restrictions. An analysis of doctrinal approaches to understanding the restriction of subjective civil rights, which made it possible to identify the characteristics of restrictions, has shown that the goal of state control over tax payment cannot be regarded as a basis for imposing a restriction. Comparing the sanction in question with the denial of legal protection reveals a distinction between the two. A similar conclusion is drawn when comparing it with natural obligations. It is argued that the introduced prohibition upsets the balance of interests among civil law subjects, recognizing, under equal conditions, different legal possibilities for judicial protection of subjective rights. The introduction of

© Дерюгина Т. В., 2026

this construction violates the principles of civil law. The analyzed norm regulates relationships falling within the subject matter of civil law, arising between parties in pursuit of their private interests. Consequently, embedding a public interest into their private-law relationships appears inconsistent. Given that this definition deprives a party to civil legal relations of the right to judicial protection, permits an imbalance between public and private interests, as well as between the private interests of digital currency holders belonging to different groups of parties, granting them different legal possibilities, the conclusion is drawn that this rule should be excluded from current legislation.

Keywords: right to protection; denial of legal protection; restriction of the right; digital currency; judicial protection of the right; natural obligation; public interest; private interest; balance of interests; methods of protection

Cite as: Deryugina TA. The Legal Nature of Restricting the Right to Judicial Protection for Digital Currency Holders. *Lex russica*. 2026;79(5):109-119. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.109-119

Введение

Конституция РФ гарантирует право на судебную защиту. Традиционно для отрасли конституционного права норма сформулирована императивно и не допускает изменения данного правила ни законом, ни иными правовыми актами. В то же время часть 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения прав в строго обозначенных случаях, связанных с защитой государства (основ конституционного строя, обороны и безопасности), общества (нравственности, здоровья), прав и законных интересов других лиц. Установление ограничений допустимо только в федеральном законе (здесь и далее важно различать ограничения в силу ст. 55 Конституции РФ и ограничения право-, дееспособности — это категории разнорядковые, хотя законодатель и использует один термин).

Как следует из приведенной нормы, установление ограничений возможно в целях защиты публичных и частных интересов. При этом если понятие частного интереса, исходя из избранных Основным Законом формулировок, можно толковать достаточно широко, то публичный интерес ограничен защитой основ конституционного строя, обороной и безопасностью.

В статье 1 Гражданского кодекса РФ указанная дефиниция повторяется применительно к гражданским правам. Очевидно руководствуясь этими положениями, авторы Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых

финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон о цифровых финансовых активах) в ч. 6 ст. 14 ограничивают право на судебную защиту для обладателя цифровой валюты, не поставившего в известность о таком обладании или совершении сделки с цифровой валютой уполномоченный орган.

Такой подход законодателя нашел отражение и в судебной практике, где данное положение квалифицируется как ограничение права².

Однако толкование указанной нормы вызывает ряд проблем как теоретического, так и практического характера. В частности, важно определить правовую природу отказа в судебной защите прав обладателя цифровой валюты при невыполнении им обязанности уведомления уполномоченного органа. Относится ли такой отказ к ограничениям субъективного гражданского права на защиту или в целом можно говорить о лишении права на защиту? Следует ли отнести такое правоотношение к натуральным обязательствам? Не противоречит ли установленное правило принципам гражданского права? Не ставит ли законодатель публичный интерес, связанный с контролем за уплатой налогов, выше частного интереса обладателей цифровой валюты?

На эти и другие вопросы необходимо ответить в первую очередь на доктринальном уровне, чтобы создать фундамент для дальнейшего совершенствования правового регулирования

¹ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

² См.: решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025) ; кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2024 по делу № 77-2735/2024 (УИД 55RS0004-01-2022-003176-41) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025) ; решение Ленинского районного суда города Барнаула от 13.02.2025 по делу № 2-224/2025 (УИД 74RS0002-01-2024-005716-38) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

отношений, возникающих в процессе гражданского оборота цифровой валюты.

Об отказе в судебной защите права обладателя цифровой валюты и ограничениях гражданских прав

В научной литературе под ограничением права понимают сужение объема права³, либо объема возможностей, являющихся содержанием права⁴, либо дозволений в праве⁵. Некоторые авторы полагают, что сущность ограничений заключается не в сужении правомочий, а в невозможности осуществить право⁶ либо сужении возможностей осуществления права⁷.

Безусловно, цель установления ограничений — соблюдение баланса интересов, при этом не только публичного и частного, но и различных частных интересов, что прямо вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ верно отмечает, что цель установления ограничений обусловлена «необходимостью защиты конституционно значимых ценностей»⁸: жизни, здоровья, права на труд, свободу передвижения, судебную защиту и пр.

Цель ограничений является определяющей для их установления, в силу чего указанные цели предусмотрены в Основном Законе страны и получили развитие в других федеральных законах. Независимо от того, какую позицию мы займем в дискуссии о сущности ограничений, сужение ли это объема права, возможностей или установление границ осуществления права, установление таких запретов должно быть нацелено на охрану особо важных для государства, общества либо частных лиц прав и свобод.

Впрочем, мы согласны с последним утверждением: ограничение права не сужает объем правомочий, входящих в право, не лишает лицо какого-то из правомочий, но уменьшает возможности осуществления права, что выражается в форме запретов на совершение какого-либо действия либо совокупности действий. Ограничение не несет в себе никакого права, оно сдерживает его обладателя от определенного поведения. Например, ограничение вещного права владельца или собственника, направленное на неизменение целевого назначения земельного участка. Очевидно, что собственник или иной владелец сохраняет все свои правомочия, входящие в содержание права (владение, пользование, распоряжение или владение и пользование), однако он, осуществляя указанные правомочия, должен воздержаться от действий, связанных с изменением целевого назначения земельного участка.

Ограничение права в контексте способа правового регулирования всегда выражается в форме запрета.

Впрочем, у такого подхода есть оппоненты, полагающие, что ограничение может быть установлено в форме обязанности⁹. Подобная позиция нашла место и в ГК РФ, в ст. 1007 и 1033. Анализ показывает, что во всех случаях авторы и закон ведут речь о воздержании от совершения какого-либо действия. С точки зрения способа правового регулирования воздержание от действий достигается при помощи установления запрета. Впрочем, здесь авторы могут руководствоваться теорией активной (необходимости совершения действия) и пассивной (необходимости воздержания от действия) обязанности. Имеется в виду установление ограничения в форме пассивной обязанности.

³ См.: Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву : круглый стол журнала «Государство и право» / подготовлен Л. А. Морозовой // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–42.

⁴ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003.

⁵ См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. С. 46.

⁶ См.: Курдиновский В. И. Об ограничениях права собственности на недвижимое имущество по закону (по русскому праву). Одесса, 1904. С. 21.

⁷ См.: Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 9–10.

⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Склановой, Р. М. Скояновой и В. М. Ширяева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3. С. 56.

⁹ См.: Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М. : Статут, 2007. С. 41.

Ограничения могут быть установлены только федеральным законом, то есть они изначально заложены в нормах объективного права и распространяются на неопределенный или определенный, но не конкретизированный круг субъектов (как в случае с цифровой валютой — на обладателей цифровой валюты). Исходя из того, что ограничения — это категория объективного права и что они определяются законом, их установление не зависит от воли и волеизъявления обладателей субъективных прав, последние лишь подчиняются запрету на совершение определенных действий. По сути, ограничение формирует границы объективного права на стадии его создания (правотворчества).

Посмотрим с приведенной выше позиции на ограничение права на судебную защиту обладателя цифровой валюты.

Толкование ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах позволяет говорить о том, что цель введения такой нормы связана с необходимостью осуществления налогового контроля. Сходное мнение отражено и в судебных актах, которые соотносят установление ограничения на судебную защиту с потребностью в охране публичного интереса, направленного на контроль за уплатой налогов¹⁰.

В научной литературе установление данного правила иногда обосновывают необходимостью обеспечения выполнения обязанности по уплате налогов¹¹. В разъяснениях Министерства финансов РФ¹² и Федеральной налоговой службы¹³ содержится аналогичная мысль.

Но если мы посмотрим на указанную норму системно, в сопоставлении с частью 5 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, то отметим, что, во-первых, ограничение права на судебную защиту распространяется не на всех субъектов, а во-вторых, необходимость уведомления возникает только в момент, когда право нарушено и его обладатель обращается за судебной защитой. Вряд ли такой подход можно

расценивать как контроль государства за уплатой налогов.

В любом случае цель установления этого правила связана с охраной и реализацией публичного интереса, что, на первый взгляд, диссонанс с целями установления ограничений, закрепленными в ст. 55 Конституции РФ, не вызывает.

Однако это не так. Выше мы уже упомянули, что в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ публичные интересы, для охраны которых могут устанавливаться ограничения, касаются только защиты основ конституционного строя (которые определяются главой 1), обороны и безопасности государства. Как представляется, контроль за уплатой налогов вряд ли может рассматриваться в рамках необходимости защиты перечисленных выше конституционных ценностей, а значит, не может и выступать целью установления ограничений гражданских прав. Таким образом, данная норма Конституции РФ не создает правовой основы для введения ограничения на судебную защиту прав обладателя цифровой валюты.

Очевидно, что если бы цель установления ограничения на судебную защиту обладателя цифровой валюты была связана с потребностью государства осуществлять контроль за ее оборотом, то стоило бы говорить о защите конституционных ценностей. Отсутствие такого контроля может привести к использованию цифровой валюты в коррупционных схемах, отмыванию доходов, террористической и иной подобной деятельности, что вынуждает любое государство повысить контроль за ее оборотом. Но, как мы уже сказали выше, норма действует в отношении определенного круга лиц и не во всех случаях обладания цифровой валютой, что создает дисбаланс интересов участников гражданских правоотношений.

Понуждая субъекта права к легализации обладания цифровой валютой, государство вводит условие, невыполнение которого влечет

¹⁰ См.: решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

¹¹ См.: Холод Г. В. Проблемы правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // Право и бизнес. 2024. № 3. С. 33–38.

¹² См.: письмо Минфина России от 28.12.2021 № 03-04-05/107093 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

¹³ Письмо ФНС России от 04.06.2018 № БС-4-11/10685@ «О порядке налогообложения доходов физических лиц» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025); письмо ФНС России от 27.11.2019 № СД-4-3/241672 «О разъяснениях налогового законодательства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

умаление права на судебную защиту: обладатель цифровой валюты должен совершить активные действия (уведомить уполномоченные органы), чтобы преодолеть положение, закрепленное в ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах. Но совершение активных действий не составляет существо ограничений. Впрочем, и по способу правового регулирования норма сформулирована не в форме запрета.

В анализируемом случае субъективное право на защиту ограничено выполнением определенного условия (уведомление уполномоченного органа). Но такой подход не согласуется с теорией субъективного права, включающей право на защиту в его содержание¹⁴.

Ограничение права сужает возможности его осуществления, не лишая при этом обладателя самого права. Здесь же, по сути, мы видим лишение права на судебную защиту, а не его ограничение.

Аналогичная позиция отражена и в научной литературе. В частности, Е. Н. Абрамова верно отмечает, что законодатель в качестве общего устанавливает правило о лишении судебной защиты. Возможность же ее получения в результате уведомления уполномоченного органа — исключение из общего правила¹⁵.

Совершенно очевидно, что лишение права не подпадает под действие ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту и отказ в защите права в порядке статьи 10 ГК РФ

Не можем мы говорить здесь и об отказе в защите права в порядке ст. 10 ГК РФ. Хотя в некоторых актах суды, комментируя ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, подчеркивают именно отказ в судебной защите права¹⁶.

Отказ в защите права — это специальная санкция, предусмотренная за нарушение пре-

делов осуществления гражданских прав (злоупотребление правом, обход закона с противоправной целью и пр.). По своей сути отказ в защите права — это лишение права, ибо право без защиты — фикция. Основания для применения этой санкции перечислены в ст. 10 ГК РФ и касаются осуществления субъективного права в противоправных целях (например, причинение вреда другим субъектам гражданского оборота, обход закона, ограничение конкуренции). Однако отсутствие уведомления уполномоченных органов и основания для отказа в защите права, предусмотренные в ст. 10 ГК РФ, — разные правовые явления.

Во-первых, уведомление уполномоченных органов по своей правовой природе относится к публично-правовым обязанностям, тогда как статья 10 ГК РФ ведет речь сугубо о гражданско-правовых явлениях, связанных со злоупотреблением субъективным гражданским правом. Соответственно, неверно применять гражданско-правовую санкцию за невыполнение публичной обязанности.

Во-вторых, отказ в защите права в рамках ст. 10 ГК РФ — это, пожалуй, самая серьезная санкция, лишаящая субъективное право правовой защиты. В этом смысле норма ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах говорит только о лишении судебной защиты, при этом сторона может воспользоваться способами защиты субъективных гражданских прав, закрепленными в ст. 12 ГК РФ.

В-третьих, отказ в защите права как гражданско-правовая санкция направлен против управомоченного лица — обладателя субъективного гражданского права, тогда как в случае отказа в защите права обладателя цифровой валюты эта санкция традиционно направлена против обязанного лица (лица, не выполнившего обязанность по информированию компетентных органов).

В-четвертых, отсутствие уведомления может и не иметь противоправной цели, но та-

¹⁴ См.: Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2021. № 2. С. 22–40.

¹⁵ См.: Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // Банковское право. 2021. № 2. С. 19–27.

¹⁶ См.: решение Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025); апелляционное определение Московского городского суда от 06.06.2024 по делу № 33-19434/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025); определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 по делу № 88-23350/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

кое бездействие приведет к отказу в судебной защите.

Другими словами, даже если лицо не намеревалось избежать уплаты налогов, связанных с обладанием цифровой валютой, его право всё равно будет лишено судебной защиты при невыполнении обязанности информирования уполномоченного органа. Это очень опасная ситуация.

Анализ судебной практики свидетельствует, что обычно отсутствие уведомления продиктовано непониманием обладателем цифровой валюты порядка его направления¹⁷, что обусловлено проблемами в правовом регулировании этих общественных отношений.

До настоящего времени специальный порядок направления уведомления об обладании цифровой валютой или сделках с ней не определен.

Только в 2024 г. принято постановление Правительства РФ от 01.11.2024 № 1466 об информировании о получении цифровой валюты в результате майнинга¹⁸. Но это лишь один из случаев оборота цифровой валюты.

В отсутствие четкого специального регулирования при одинаковых исходных данных суды принимают разные решения.

Так, в одном из судебных дел уведомление в форме заявления было направлено в ФНС России, однако суд указал, что оно не может быть расценено как информирование уполномоченного органа о сделках с цифровой валютой в порядке ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах¹⁹. Суд аргументировал свою позицию

отсутствием в Налоговом кодексе РФ специальных норм о налогообложении доходов от оборота цифровой валюты, что предполагает обращение к общим нормам о налогообложении физических лиц, а значит, надлежащим уведомлением следует считать декларацию о налоге на доходы физических лиц.

Такая ситуация порождена в первую очередь отсутствием должного правового регулирования оборота цифровой валюты. Вводя требование в ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, законодатель связал информирование об обладании или сделках с цифровой валютой с порядком, установленным законодательством о налогах и сборах. При этом в норме говорится именно об информировании, а не об уплате налогов и сборов с полученного дохода. Более того, все разъяснения Минфина²⁰ и ФНС России²¹ относительно оборота цифровой валюты посвящены ее налогообложению, а не порядку и форме уведомления об обладании ею или сделках с ней. Таким образом, в законодательстве до настоящего времени существует пробел, бремя несения последствий которого ложится на плечи правоприменителя.

Лишение судебной защиты обладателя цифровой валюты и натуральные обязательства

Иногда в доктрине лишение судебной защиты обладателя цифровой валюты связывают с категорией натурального обязательства²². Вместе с тем авторы подчеркивают, что речь идет ско-

¹⁷ Решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025); решение Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025); решение Ленинского районного суда города Барнаула от 13.02.2025 по делу № 2-224/2025 (УИД 74RS0002-01-2024-005716-38) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁸ См.: постановление Правительства РФ от 01.11.2024 № 1466 «Об обязанности лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты (в том числе участника майнинг-пула), по предоставлению информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула» // СЗ РФ. 2024. № 45. Ст. 6815.

¹⁹ См.: решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

²⁰ См.: письмо Минфина России от 28.12.2021 № 03-04-05/107093.

²¹ Письмо ФНС России от 04.06.2018 № БС-4-11/10685@; письмо ФНС России от 27.11.2019 № СД-4-3/241672.

²² См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023.

рее об условных натуральных обязательствах, где защита предоставляется в зависимости от выполнения или невыполнения условия²³.

Действительно, сложно квалифицировать данные правоотношения как натуральное обязательство. По сути, здесь нет никакого гражданско-правового обязательства. В исследуемой норме говорится о публично-правовой обязанности уведомить компетентные органы об обладании цифровой валютой или сделке с ней. И именно с невыполнением публично-правовой обязанности закон связывает частно-правовое последствие — отказ в защите права посредством обращения в суд.

Впрочем, стоит указать на определенное сходство рассматриваемой конструкции с положениями гл. 58 ГК РФ, которые традиционно относят к натуральным обязательствам²⁴. В соответствии с п. 1 ст. 1062 ГК РФ требования к организации и участию в играх и пари не подлежат судебной защите.

В качестве обоснования лишения права на судебную защиту организаторов и участников игр и пари приводился такой аргумент: они не порождают правоотношение²⁵, заключаемые сделки изначально недействительны²⁶, а возникающие обязательства принадлежат к группе натуральных²⁷.

Сравнивая конструкцию лишения права на судебную защиту в играх и пари с аналогичной конструкцией в отношении права обладателя цифровой валюты, можно отметить ряд различий.

Во-первых, если применительно к играм и пари законодатель последовательно проводит идею о лишении судебной защиты для всех участников (за некоторым исключением, которое четко прописано в законе), то к обладателям цифровой валюты подход избирательный (на кого-то распространяется, а на кого-то нет).

Во-вторых, в играх и пари закон регулирует частные отношения между частными субъектами с частным интересом. Между обладателями цифровой валюты также возникают частные отношения между частными субъектами с частным интересом, но защита субъективного гражданского права ставится в зависимость от публичного интереса.

В-третьих, применительно к играм и пари закон говорит о гражданско-правовых обязательствах (мы придерживаемся именно этой точки зрения, так как нормальный ход развития данного правоотношения в процессе его надлежащего исполнения обеими сторонами порождает гражданско-правовые последствия), пусть и натуральных. Что касается обладателей цифровой валюты, то здесь вмешивается публичный элемент, связанный с выполнением публичной обязанности, непосредственно влияющей на возможность судебной защиты частного права, что, как нами указывалось выше, создает некий дисбаланс в пользу публичного интереса.

О балансе частных и публичных интересов, связанных с ограничением права на защиту обладателя цифровой валюты

Анализ судебной практики свидетельствует, что отказ в судебной защите права влечет нарушение баланса интересов, а в некоторых случаях способствует выгоде недобросовестной стороны.

Например, решением Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023²⁸ (оставлено без изменений судами апелляционной²⁹ и кассационной инстанций³⁰) истице, заключившей договор управления цифровой валютой с ответчиком и не уведомившей уполномоченный орган о

²³ См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Указ. соч. С. 125.

²⁴ См.: Людвиг С. Д. Категория «натуральное обязательство» в гражданском праве // Экономика. Право. Общество. 2016. № 4 (8). С. 40–44.

²⁵ См.: Кутовой М. С. Соотношение обязательств, вытекающих из игр и пари, и натуральных обязательств // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 307–311.

²⁶ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М.: Статут, 2006. С. 244.

²⁷ См.: Людвиг С. Д. Указ. соч.

²⁸ Решение Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025).

²⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 06.06.2024 по делу № 33-19434/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025).

³⁰ См.: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 по делу № 88-23350/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

такой сделке, отказано в судебной защите. При этом цифровая валюта на момент вынесения решения суда оставалась у ответчика, который, как следует из текста решения, к тому времени утратил правовое основание для обладания ею (срок договора, заключенного между истицей и ответчиком, истек). Таким образом, цифровая валюта осталась у недобросовестного владельца несмотря на то, что факт законного обладания ею истцом подтвержден судом.

Сходные позиции отражены и в решениях других судов³¹.

Конечно, здесь нужно отметить, что законодатель не лишил в полном объеме права на защиту, ограничив лишь право на судебную защиту, и истец может воспользоваться одним из способов защиты гражданских прав, закрепленных в ст. 12 ГК РФ. Однако дело не в том, что субъект вправе обратиться к таким способам защиты, а в том, что нарушен баланс интересов, причем в пользу неуправомоченного лица.

Верно по этому поводу пишет Г. В. Холод, акцентируя внимание на том, что речь в анализируемой правовой норме идет о частных интересах частных субъектов, заключивших между собой сделку в отношении цифровой валюты, поэтому встраивание сюда публичного интереса по сбору налогов неуместно³².

Есть и несколько иная проблема, связанная с толкованием ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах в сопоставлении с частью 5 этой статьи (ее мы уже упомянули ранее). Так, согласно ч. 6 ст. 14 лишаются права на судебную защиту только лица, перечисленные в ч. 5 ст. 14 Закона. Соответственно, например, физические лица, находящиеся на территории РФ менее 183 дней или более 183 дней, но в течение 12 месяцев, следующих не подряд, имеют право на судебную защиту независимо от того, уведомили они уполномоченный орган о сделке с цифровой валютой или нет.

Понятно, что здесь закон отсылает нас к понятию налогового резидента (ст. 207 НК РФ). Однако с учетом того, что речь идет о гражданах РФ, предоставление им разных по объему прав на судебную защиту выглядит достаточно странно и нарушает, на наш взгляд, баланс интересов, причем в пользу лиц, хотя и являю-

щихся гражданами РФ, но проживающих за пределами РФ.

По справедливому утверждению Е. Н. Абрамовой, такой подход приводит к смещению отраслевого регулирования в пользу налогового, хотя оборот иных объектов гражданских прав никак не зависит от постановки на налоговый учет и уплаты налогов. Это, по мнению автора, нарушает баланс интересов в пользу публичного³³, что нужно расценивать как отрицательный феномен правового регулирования.

Кроме того, к проблемам формулировки ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах авторы причисляют возможность распространения указанного правила на любые требования, вытекающие из обязательств, возникающих в отношении цифровой валюты³⁴. И с этим также стоит согласиться. Использование категории «требование» значительно расширяет рамки возможного применения данной нормы, причем не только в контексте обязательственных отношений, в силу того что право требования — это составной элемент содержания любого субъективного права.

Безусловно, такое законодательное установление следует оценить негативно. Так, определяя основы регулирования гражданских отношений, Гражданский кодекс РФ исходит из принципов свободы заключения договоров, недопустимости вмешательства в частные дела, беспрепятственного осуществления гражданских прав, их судебной защиты и пр. Однако закрепленное в ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах правило об отказе в судебной защите, по сути, попирает все эти принципы, закладывая в основу правового регулирования только публичный интерес, связанный с контролем за собираемостью налогов.

Анализируемая норма (ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах) регулирует отношения, входящие в предмет гражданского права (право обладания как абсолютное право на цифровую валюту и совершение сделок с ней); в эти отношения вступают субъекты гражданского права, имеющие свой частный интерес, направленный на приобретение или отчуждение цифровой валюты, а также защиту своих прав, в том числе судебную. Ввиду этого

³¹ См.: определение Московского городского суда от 20.10.2022 по делу № 33-41465/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

³² См.: Холод Г. В. Указ. соч.

³³ См.: Абрамова Е. Н. Указ. соч. С. 20–21.

³⁴ См.: Холод Г. В. Указ. соч.

встраивание в их частноправовые отношения, базирующиеся на частном интересе, публично-го интереса выглядит нелогичным. Отношения, связанные с налоговым контролем, не могут и не должны влиять ни на гражданский оборот тех или иных объектов гражданских прав, ни на возникновение, изменение или прекращение субъективных гражданских прав на них.

Заключение

Подводя итоги исследованию, отметим, что лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту не относится к категории ограничений права.

Цель установления ограничений — соблюдение баланса интересов (публичного и частного, различных частных интересов). Ограничение права не сужает объем правомочий, входящих в право, не лишает лицо какого-то из правомочий, но уменьшает возможности осуществления права. Само ограничение не несет в себе никакого права, оно сдерживает его обладателя от определенного поведения. В контексте способа правового регулирования оно всегда выражается в форме запрета. Ограничения могут быть установлены только федеральным законом, они распространяются на неопределенный или определенный, но не конкретизированный круг субъектов. Их установление не зависит от воли и волеизъявления обладателей субъективных прав, последние лишь подчиняются запрету на совершение определенных действий. По сути, ограничение формирует границы объективного права на стадии его создания (стадии правотворчества).

Публичные интересы, для охраны которых устанавливаются ограничения, могут быть связаны только с обороной и безопасностью государства, защитой основ конституционного строя и прочих конституционно значимых ценностей, перечень которых закреплен в Конституции РФ. С этих позиций контроль за уплатой налогов вряд ли можно рассматривать как охрану перечисленных выше ценностей, а значит, он не может выступать целью установления ограничений гражданских прав. Таким образом, Конституция РФ не создает правовой основы для введения ограничения на судебную защиту прав обладателя цифровой валюты.

Для преодоления законодательного запрета на судебную защиту обладатель цифровой валюты должен совершить активные действия

(уведомить уполномоченные органы), но эти действия не составляют существо ограничений.

По своей правовой природе лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту есть именно лишение права, а не его ограничение.

Проведенный сравнительный анализ лишения права обладателя цифровой валюты на судебную защиту с отказом в защите права, предусмотренным статьей 10 ГК РФ, позволил выявить серьезные различия: уведомление уполномоченных органов по своей правовой природе — публично-правовая обязанность, тогда как статья 10 ГК РФ ведет речь сугубо о гражданско-правовых отношениях; отказ в защите права лишает субъективное право всякой правовой защиты. В этом смысле норма части 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах говорит лишь о судебной защите; отказ в защите права как гражданско-правовая санкция направлен против управомоченного лица — обладателя субъективного гражданского права, а в случае отказа в защите права обладателя цифровой валюты она традиционно направлена против обязанного лица (лица, не выполнившего обязанность по информированию компетентных органов); отсутствие уведомления может и не иметь противоправной цели, но при этом такое бездействие приведет к отказу в судебной защите.

Сравнивая лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту с натуральными обязательствами, приходим к выводу, что это разные правовые категории. В лишении права на судебную защиту нет никакого гражданско-правового обязательства: речь идет о публично-правовой обязанности уведомить компетентные органы об обладании цифровой валютой или сделке с ней. И именно с невыполнением публично-правовой обязанности закон связывает частноправовое последствие — отказ в судебной защите права.

Анализ показал, что законодатель дифференцировал возможность лишения обладателей цифровой валюты права на судебную защиту в зависимости от категории субъекта. В результате разным субъектам из числа граждан РФ предоставлен разный объем права на судебную защиту, что нарушает баланс частных интересов.

Есть проблемы и в аспекте средств механизма правового регулирования. Он не учитывает основные принципы гражданского права (недопустимость вмешательства в частные

дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, их судебной защиты и др.), что заслуживает негативной оценки.

Анализируемые отношения входят в предмет гражданского права; в них вступают субъекты гражданского права, имеющие свой частный интерес, направленный на приобретение или отчуждение цифровой валюты, а также защиту своих прав, в том числе судебную. В силу этого встраивание в их частноправовые отношения публичного интереса выглядит нелогичным. Отношения, связанные с налоговым контролем, не могут и не должны влиять ни на граждан-

ский оборот объектов гражданских прав, ни на возникновение, изменение или прекращение субъективных гражданских прав на них.

Ввиду приведенных аргументов и того факта, что представленная дефиниция лишает субъекта гражданских правоотношений права на судебную защиту, допускает дисбаланс публичного и частного интересов, а также частных интересов обладателей цифровой валюты, принадлежащих к различным группам субъектов, наделяя их разными правовыми возможностями, следует исключить данную норму из действующего законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // *Банковское право*. 2021. № 2. С. 19–27.
- Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. 346 с.
- Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. 280 с.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М. : Статут, 2006. 1244 с.
- Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты // *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2021. № 2. С. 22–40.
- Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 357 с.
- Курдиновский В. И. Об ограничениях права собственности на недвижимое имущество по закону (по русскому праву). Одесса, 1904. 389 с.
- Кутовой М. С. Соотношение обязательств, вытекающих из игр и пари, и натуральных обязательств // *Актуальные проблемы российского права*. 2009. № 3. С. 307–311.
- Людвиг С. Д. Категория «натуральное обязательство» в гражданском праве // *Экономика. Право. Общество*. 2016. № 4 (8). С. 40–44.
- Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 250 с.
- Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М. : Статут, 2007. 255 с.
- Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву : круглый стол журнала «Государство и право» // *Государство и право*. 1998. № 7. С. 20–42.
- Холод Г. В. Проблемы правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // *Право и бизнес*. 2024. № 3. С. 33–38.

REFERENCES

- Abramova EN. On the issue of the concept of cryptocurrency: Problems of terminology and definition formation. *Bankovskoe pravo [Banking Law]*. 2021;2:19-27. (In Russ.).
- Alekseev SS. General Permission and General Prohibitions in the Soviet Law. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1989. (In Russ.).
- Amelin RV, Channov SE. The evolution of law under the influence of digital technologies. Moscow: Norma Publ.; 2023. (In Russ.).
- Braginskiy MI, Vitryanskiy VV. Contract Law. General provisions. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2006. (In Russ.).
- Deryugina TV, Chegovadze LA. The dogmatics of the content of subjective law and the problems of its judicial protection. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2021;2:22-40. (In Russ.).

- Kamyshansky VP. Restrictions on property rights (civil law analysis). Dr. Diss. (Law). St. Petersburg; 2000. (In Russ.).
- Kholod GV. Problems of legal regulation of digital currency in the Russian Federation. *Pravo i biznes*. 2024;3:33-38. (In Russ.).
- Kurdinovskiy I. On the restrictions of ownership of immovable property by law (Russian law). Odessa; 1904. (In Russ.).
- Kutovoy MS. The ratio of obligations arising from games and betting and natural obligations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2009;3:307-311. (In Russ.).
- Ludwig SD. The category of «natural obligation» in civil law. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. 2016;4(8):40-44. (In Russ.).
- Malko AV. Stimuly i ogranicheniya v prave. Malko AV (ed.). 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurist Publ.; 2003. (In Russ.).
- Mikryukov VA. Restrictions and encumbrances of civil rights. Mikryukov VA (ed.). Moscow: Statut Publ.; 2007. (In Russ.).
- Principles, limits, grounds for the restriction of human rights and freedoms under Russian legislation and international law. In: Morozova LA (ed.). Round table of the journal «State and Law». *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 1998;7:20-42. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя д. 12, ул. Академика Волгина, г. Москва 117437, Российская Федерация
sofija96@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Deryugina, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
sofija96@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 21 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 21 апреля 2025 г.
Принята к печати 15 апреля 2026 г.*

*Received 21.03.2025.
Revised 21.04.2025.
Accepted 15.04.2026.*